

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Образ Севера в произведениях Ф. Абрамова и К. Гемп

Исполнитель Георгиади Иоанна Алексеевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор филологических наук, профессор
(ученая степень, ученое звание)

Ерофеева Наталья Евгеньевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«5» июня 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РУССКИЙ СЕВЕР КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА	7
1.1. Север в историко-культурных и этнографических исследованиях.....	7
1.2 Русский Север в исследованиях краеведов и литературоведов	15
ГЛАВА 2. АРХАНГЕЛЬСКИЙ КРАЙ: ПОЭТИКА СЕВЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. АБРАМОВА И К. ГЕМП.....	26
2.1. Природа и море Архангельского края в пространстве произведений Ф. Абрамова и К. Гемп.....	26
2.2 Жизнь русской деревни в изображении К. Гемп и Ф. Абрамова.....	37
2.3 Образ женщины в произведениях К. Гемп и Ф. Абрамова	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	52

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Федора Абрамова (1920-1983) хорошо известно русскому читателю. Его произведения давно обрели своего читателя. Среди наиболее известных романы «Братья и сестры» (1958), «Сосновые дети» (1962), «Две зимы и три лета» (1968), «Пути-перепутья» (1973), вошедшие в цикл «Пряслины», затем роман «Дом» (1978), а также многочисленные повести и рассказы, как например, «Безотцовщина» (1961), «Жила-была сёмужка» (1962), «Пелагея» (1969), «Деревянные кони» (1970), «Алька» (1972), «Мамониха» (1973) и др.

За особый интерес писателя к сельской жизни, к судьбам простых людей критики назвали его представителем «деревенской прозы». В биографии писателя И. П. Золотусский точно обозначил основные темы и мотивы в его произведениях: «Федор Абрамов родился за один год до смерти Блока. Но эпоху Блока и эпоху Абрамова разделяет пропасть.

Абрамов принадлежал к той ветви русской литературы, которая создавалась уже не дворянами, а крестьянами. Ее создавала люди, еще не оторвавшиеся от крестьянского быта и крестьянского труда, еще не залечившие на своих руках «порубы и порезы» от сохи, от косы, от топора. Это было первое поколение новой интеллигенции, вышедшей из народа, но иначе, чем поколение Блока, смотревшее на народ... мотив защиты, помощи, жалости стал главенствующим мотивом в прозе о деревне» [38, с. 115].

Главной темой Ф. Абрамова стала тема Русского Севера, а любимыми героями – крестьяне, традиции и обычаи которых писатель хорошо знал и правдиво изображал на страницах своих книг. Важное место в них занимает и образ северной земли с ее скромными пейзажами, суровыми буднями и холодной завораживающей красотой. Много строк писатель посвятит Архангельской области и Верколе, в которой родился и с которой многие годы был неразрывно связан.

Имя другого автора, также прославившего архангелогородцев, их традиции, человека, который был дружен с Ф. Абрамовым, но никогда не был в тени писателя, имел свой взгляд на мир, была К. Гемп (1894-1998). О дружбе К. Гемп и Ф. Абрамова рассказано на страницах «Пинежской правды» от 14 мая 1988 года в статье Е. А. Зориной и других краеведческих источниках. Ф. Абрамов высоко ценил «Сказ о Беломорье» (1983) К. Гемп.

Однако К. Гемп не была профессиональным писателем. Она хорошо известна как историк, этнограф, альголог (водорослевед).

К. Гемп была известным краеведом, увлеченным историей и культурой Архангельского края. Ее коллекция устных и письменных памятников Поморской культуры в составе книги «Сказ о Беломорье» неоднократно издавались и переиздавались.

У Ф. Абрамова и К. Гемп много общего в изображении картин северного края, его традиций, нравов, обычаев. Однако в литературной критике эти авторы никогда не рассматривались вместе. И этим определяется **актуальность** работы, в которой впервые будет проведен сравнительный анализ образа Севера в произведениях Ф. Абрамова и К. Гемп.

Образ Севера давно привлекал писателей разных периодов. Одним из первых в 1834 году А.А. Бестужев-Марлинский выступил одним из основоположников северного литературного мифа в повести «Мореход Никитин» (1834).

Тема Севера привлекала Ф. М. Достоевского. Об этом свидетельствуют его «Записки из Мертвого дома» (1860-1862), «Бесы» (1871-1872) и «Братья Карамазовы» (1880). Существует достаточно много работ, посвященных «Сибирскому тексту» писателя, а в статье В. И. Габдуллиной отмечается: «В описании Сибири как «благословенной земли» проявляется желание автора опровергнуть сложившиеся в сознании современников стереотипы о Сибири как о суровом крае, месте

каторги и ссылки, и как о диком, не освоенном человеком пространстве» [22, с. 98].

Уже в XX веке в любви к Русскому Северу признавался М. Пришвин, а его книга «В краю непуганых птиц» (1907), посвященная Карелии, получила заслуженное признание читателей и критиков.

В 1934 году вышла книга известного ученого И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края». Собирательница сказок, известный фольклорист, в последствие детский писатель, она способствовала организации первых фольклорных экспедиций на Север, материалы которых и составили содержание названной книги. Под влиянием собранных текстов сказок и легенд И. Карнауховой были написаны ее авторские сказки для детей «Скок-поскок» (1965), «Внученька» (1980), «Жихарка» (1989) и др.

Не менее интересен «Северный дневник» (1973) Ю. П. Казакова, в котором в форме северного травелога рассказано о Карелии, Архангельске, Мурманске и их жителях.

В связи с особым интересом к теме Севера в критике долгое время оставался открытым вопрос – что понимать под Севером, Русским Севером? Опираясь на исследования по истории, географии, культуре, мы будем рассматривать Север как устойчивый топонимический маркер, не всегда определенный конкретными географическими границами. В культуре и литературе – это прежде всего художественный «топос» «значимое для художественного текста <...> “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реальнопространства»[52, с. 4; 87, с. 89].

Объектисследования– произведения Ф. Абрамова и К. Гемп.

Предметисследования – образ Севера в цикле рассказов «Трава-Мурава», рассказе «Сосновые дети», повести «Деревянные кони»Ф. Абрамова и книге «Сказ о Бломорье» К. Гемп.

Цель исследования – определить художественное своеобразие образа Севера в произведениях Ф. Абрамова и К. Гемп.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1. Изучить понятие Русский Север в историко-культурных и этнографических исследованиях и уточнить понятие Север в контексте темы исследования.

2. Рассмотреть особенности изучения северной темы в работах краеведов и литературоведов.

3. Проанализировать образ Архангельского края в художественном пространстве текстов Ф. Абрамова и К. Гемп.

4. Дать сравнительный анализ произведений Ф. Абрамова «Сосновые дети» и «Сказ о Беломорье» К. Гемп.

Материал исследования составили произведения:

– повесть Ф. Абрамова «Деревянные кони» (1970), рассказ «Сосновые дети» (1962), цикл рассказов «Трава-Мурава» (1980);

– книга К. Гемп «Сказ о Беломорье» (1983).

Методы исследования – системный и типологический на основе культурологического подходов.

Научная новизна обусловлена тем, что впервые даётся сравнительный анализ особенностей изображения русского Севера в произведении Ксении Гемп.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятия Север в русской литературе XX века как Север как устойчивого топонимического маркера, как художественного «топоса».

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов исследования в процессе изучения отечественной литературы, в том числе в рамках знакомства с историко-культурным наследием архангельского края.

ГЛАВА 1. РУССКИЙ СЕВЕР КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Север в историко-культурных и этнографических исследованиях

Русский Север не имеет чётких территориальных границ, но при этом существует некое однородное культурное наполнение. Край формировался в контакте с другими европейскими территориями, сущность и значение всего региона правильнее отражает понятие «Европейский Север». Важно заметить, что оба названия часто употребляются как синонимы. Вопрос о точных границах Русского Севера до сих пор рождает различные разночтения. Некоторые из исследователей считают, что понятие «Русский Север» не ограничивается территориями бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. «Это также Северо-Восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии. В настоящее же время под Русским Севером подразумевают территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, которая включает современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелия и Республику Коми» [57, с. 314]. «Географическое название Русский Север, введенное в научный и общественный оборот, превратилось в макрорегиональный топоним, который воспринимается как естественный – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион Русский Север. Его естественность заключается в том, что Русский Север несет на себе функцию географического названия метки (север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного “русский”» [56, с. 157].

Сегодняшний Русский север важен для страны не только эксплуатацией его природных богатств, но и тем, что послужил толчком

для освоения Арктики и обеспечения судоходства по Северному морскому пути. Так, например, считает учёный А. Б. Пермиловская в работе «Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений «Русского Севера»: «Ряд исследователей считают, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной), а распространить его значительно шире, в первую очередь на территории, которые, с исторической точки зрения, не могут быть отделены от севернорусского региона. Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии» [55, с. 156].

В работе А.С.Власова и Г. Н. Элькина «Природа, экономика и рубежи Русского Севера» основным ориентиром для определения границ Русского Севера служат водные объекты. В историко-культурном смысле Русским Севером считают территорию современной республики Карелии, Архангельской области, все побережье Белого моря с островами, Обонежье (пространство вокруг Онежского озера), Белозерье (регион Белого озера), бассейны рек Шексны, Мологи, Северной Двины, Пинеги, Мезени и Вычегды. Авторы работ считают, что объединение всех берегов рек впадающих в Северный Ледовитый океан и является определением границ Русского Севера. У всех авторов встречается факт невозможности точного определения границ Русского Севера. Также в ходе поиска дополнительной информации на зарубежных источниках мы обнаруживаем, что данное понятие является в большей степени русским, потому что если американец упоминает в своей работе этот край, то велика вероятность, что он имеет ввиду Арктику и Антарктику.

«Русский Север является устоявшимся и широко используемым топонимическим маркером, который нередко используется как название одной из исторических провинций страны, никогда не имевшей очевидных административных границ. Значимость указанного маркера

далеко не ограничивается территориальностью, а имеет главным образом символический смысл» [76, с 128]. Считается, что термин «Русский Север» был введён не так давно, всего лишь в начале прошлого века. Этому способствовал государственный деятель Александр Платонович Энгельгардт. Его заслуга заключается в том, что вступив на пост архангельского губернатора, он не только лично объездил регион, но и создал книгу-дневник «Русский Север».

Русский север именуют Европейским севером, а также его называют Заваолочьем. Дело в том, что все горожане, которые приезжали на эти земли, например, из Москвы и Новгорода, преодолевали водоразделы. Тогда водоразделы именовались «волоками», а Русский Север включает в себя особенно много озёр и рек.

Неотъемлемой частью Русского Севера являются поморы. Поморы – субэтнос, заключающий в себе растворенные в славянах финно-угорские племена. Некоторые из племён не растворялись полностью, например, вепсы и карелы. «Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» – в Новгородской четверной летописи в 1526 года» [70, с. 249].

Интерес к Северу начался с XII века, когда с развитием пушной торговли, земли стали весьма прибыльными. В своём археологическом исследовании Н.А. Макаров утверждает: «Проникновение новгородцев на Кольский полуостров началось задолго до XIII века, о чем свидетельствуют археологические находки. В сентябре 1887 года две крестьянки из села Варзуги на Терском берегу, собиравшие ягоды вблизи устья речки Индерки, нашли в осыпи песчаного холма семь массивных серебряных обручей — шейных гривен. Доставленные в Петербург в Археологическую комиссию, гривны хранятся сейчас в Эрмитаже. Они представляют собой продукцию древнерусских

ювелиров и датируются XI веком. Очевидно, их завезли на Терский берег первые военно-торговые экспедиции из Новгорода» [49, с 29].

В 1553 году на берег Белого моря вышел англичанин, искавший путь в Китай, но нашедший путь в Русский Север. Его звали Ричард Ченслер. Торговые интересы Севера удачно повернулись в сторону Европы и Азии. В Англию вывозился русский лес, из которого в дальнейшем был построен почти весь английский флот. Главным центром торговли были являлись Холмогоры и спустя небольшое время, в 1584 году, основали Архангельск, город который играл важную роль в системе торговли с Англией.

Этот город был важен не только для внешних торговых сношений, но и для формирования регионального рынка и укрепления внутренних торговых связей. «Именно в Архангельск двиняне, мезенцы, пинежане, жители Карельского, Терского и других берегов Белого моря везли рыбу, продукты зверобойного промысла. Здесь они обменивали их на другие товары. Здесь же всех этих торговых людей стали называть поморами и именно здесь возникала и «цементировалась» общая поморская идентичность, ибо региональный центр играл важнейшую интегрирующую роль. Именно с основанием Архангельска процесс русской колонизации Европейского Севера можно считать в целом законченным, ибо создание регионального центра означало, что территория не только заселена, но и получила административное управление» [74, 252 с.].

Мех поспособствовал исследованиям и заселениям Русского севера. Он обладал всеми качествами идеального товара: не портится, лёгкий, дорогой, в прибавку имел устойчивый спрос, «как в Европе, так и в Азии, где ценный мех был непременно атрибутом одежды, как аристократии, так и купечества» [19, с 264]. Возникла «меховая лихорадка», в результате в северной части Тихого океана была осаждена русскими торговцами, знавшими, что китайские купцы заплатили бы

хорошую цену за шкуры морских выдр. Густой и пышный, он служил отличительной отделкой одежды Маньчжурского высшего класса, из него производились исключительно мягкие и теплые халаты для всей азиатской европейской элиты. Меха морской выдры считались королевским мехом в Поднебесной, поэтому именно он открыл дверь к чрезвычайно прибыльной торговле.

Преградой на пути к дальнейшему процветанию Русского Севера послужило основание Санкт-Петербурга, так как фокус торговли сместился с Белого моря на Балтийское. Из-за сокращения торговой деятельности начало активно сокращаться количество городов и до крупной промышленности дело не дошло даже в XX веке. Положительно повлияли на экономическое положение железные дороги. Большинство известных нам северных городов выросли из сел и имеют не такую давнюю историю. Советским правительством было создано две трети из этих городов.

Говоря о поморах, нередко упоминается отсутствие угнетения данного субэтноса от крепостного права. Исторически сложилось, что крепостное право можно было наложить именно на людей, активно занимающихся земледелием и скотоводством, так как люди были привязаны к определённой территории. Поморы же не зависят от земли и находятся в постоянном движении и даже если наложить на этот народ крепостное право, то он просто покинет земли. Долгие зимы служили постоянной причиной неурожая и гибели скота. Занимаясь охотой и рыболовством, они избегали тяжёлой участи. Путешественники, посещавшие эти края в XIII-XIX веках, заметили, что жители употребляют в пищу сосновую кору и исландский мох. Для них это было проявлением чрезмерного голода и неурожая, такое же отношение к подобным хлебным заменителям было и у многих исследователей XX века. П.Н. Третьяков пишет: «В условиях натурального хозяйства

малейшее отрицательное колебание урожая тотчас же заставляло примешивать к хлебу кору, мох, траву».

В 1850 году офицер Генерального штаба, автор военно-статистического описания Вологодской губернии, с удивлением писал: «...допустив справедливость цифр, показывающих общий урожай по губернии, мы найдем, что в лето 1848 года вся Вологодская губерния произвела ржи 575357 четвертей (16 пудов). В 1848 г. считалось крестьян удельного ведомства 31 422 муж. и 35 730 жен., государственных 203 715 муж. и 227 340 жен., ведомства МВД 101 131 муж. и 104 819 жен., всего 336 268 муж., 367 889 жен. Полагая для мужчины 2,5 четверти, а для женщины 2 четверти в год, выходит, что для прокормления всего этого народонаселения потребно 1 576 448 четвертей, откуда видно, что губерния не произвела хлеба достаточно для прокормления своего сельского народонаселения» [75, с. 303]. Исходя из этих данных, у исследователей встал вопрос «Каким образом из Русского Севера идёт зерно на внешний рынок (через архангельский порт), если не хватает даже местному населению?».

Ответ на этот вопрос можно найти в работе Г. Н. Потанина: «Кроме ягод и грибов, издиких растительных продуктов следует упомянуть сосновый сок, то есть молодой весенний сосновый лубь. Сок сочить ходят в лес не только дети, но и взрослые; это обыкновенно бывает лишь раз в год весной; тогда издеревень и из города Никольска выходят партии сочильщиков и сочильщиц, как осенью - партии за грибами; тут можно встретить и девочку лет 10 с большим топором, заткнутым сзади за поясом, и Никольскую купчиху, и гимназиста Соком называются длинные ленты луба, который сдирают смолодых сосен; для этого сосенку срубают в комле и снимают с нее верхнюю кору, затем срезают слой луба длинными полосами, которые складывают в туес» [50]. Крестьяне Севера не зависели от урожая на регулярной пашне: «Несмотря на семилетний неурожай, жители 30 деревень не

испытали снижения прироста населения» [82]. Исходя из этого, мы видим, что население Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний в целом употребляли эти хлебные заменители в пищу независимо от материального положения, а зерно не стояло на первом месте их рациона.

В истории России пограничье чаще всего служило зоной относительной социальной свободы, а ограниченные ресурсы и несовершенные средства коммуникации способствовали слабому контролю на пограничных землях, таких как Сибирь, Север и южные степи, что нельзя сказать о центральных землях. Таким образом была высокая социальная свобода. Чтобы закрепить за собой территории, государство отправляло своих подданных на эти территории, заранее расширяя для них социальные права. Старообрядцы, искатели быстрой наживы, беглые крестьяне - все устремлялись на Север и находили здесь пристанище.

Никогда не угасал на Русском Севере дух вольнолюбия и предприимчивости. Кроме государственных, «черносошных» крестьян (название произошло от словосочетания «черные сохи», т. е. тяглые, зависимые от государства земли.) Вторая форма землевладения – дворцовая – была также распространена на Севере; дворцовые земли принадлежали московскому князю, царю, императорскому «уделу» (отсюда – удельные крестьяне). Довольно рано (с XII в.) начала складываться третья форма землевладения – монастырско-церковная [51].

Здесь, в условиях ограниченной конкуренции, каждый имел возможность быстрого роста без кропотливого десятилетнего труда и влиятельных связей. В настоящее время удаленность от центральных территорий никак не влияет на социальную свободу, так как соблюдается власть местного чиновничества, по этой причине в

современных реалиях данная мотивация для переселения на эти земли исчезает.

В XIX веке описания путешествий по Русскому Северу стали дарить русскому населению представление об этом крае и людях, заселяющих его. У общественности стало складываться мнение о жизни и быте поморов. Так как это прямые потомки новгородцев, то они и сохранили многие их черты: предприимчивость, смелость и независимость. Проводились геологические экспедиции в целях найти новые ресурсы, поэтому к деревоперерабатывающему, рыболовной и меходобывающей промышленности добавились добыча угля и нефти. За счёт прибывания заключённых и спецпереселенцев добывание природных ресурсов проходило легче. Также была создана система материального стимулирования для привлечения людей на Север. Сложные климатические условия компенсируются престижем и выгодой.

«Со второй половины XIX века в ценности и богатствах Русского Севера не было сомнений. Это привлекло особое внимание норвежских зверобоев и рыбопромышленников. Чтобы исправить ситуацию и не повторить печальный опыт с вынужденной продажей Аляски (из-за малого процента русского населения), была принята программа призванная маркировать Европейский Север как Российскую территорию» [73, с 141]. Помимо норвежцев стояла угроза со стороны финских миссионеров, которые активно распространяли лютеранское вероисповедание. К началу XX столетия окончательно сформировалась националистическая доктрина, суть которой обозначена в газете «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном, и народе русском, этнографии и фольклористики» [31, с. 154].

1.2 Русский Север в исследованиях краеведов и литературоведов

«Только на Севере ещё можно заглянуть в глухую древность, услышать былины старые, увидеть деревянные церкви XV века...» [30, с. 12] Этот край полон своего особого очарования, вероятно поэтому первыми, кто начал серьёзные изучения Русского Севера стали писатели. Князь Константин Николаевич, сын Николая I, задумал узнать истинное внутренне положение России, для этого он вызвал не чиновников, с которыми он боролся, а тех, кто уже был знаком с деталями русского быта: И. А. Гончаров, С. В. Максимов, А. Ф. Писемский, Д. В. Григорович, А. А. Потехин, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А. Н. Островского. Предполагалось, что именно эти люди могут вызвать народ на откровенность, чиновники же наоборот его испугают и заставят молчать. Так как есть определённое оцепенение перед правительством. Писательский гонорар за такую работу предполагался скромный: 100 рублей в месяц, и то порой он мог уходить на неожиданные расходы в ходе экспедиции.

Очевидно, что все писатели, которые поехавшие в экспедицию были заинтересованы работой. Изначально все литературные работы, отчеты, выпускались в журнале «Морской сборник», хотя они и не имели ничего общего с морским делом. Расширение тематики журнала не игнорировалось долгое время: во главе Морского ученого комитета стоял адмирал Рейнеке, который в следствие своего неглубокого понимания литературы, быстро сузил горизонт до морской службы. Тогда для материалов о личных впечатлениях, о быте, природе и возникших острых общественных вопросах пришлось искать другие издательства. Решение Морского комитета было весьма понятно, ведь такой жанр, как записки путешественников, легко способны нарушить привычный уклад и своим воздействием привести к социальным

переменам. Большие пласты населения покидают обжитые территории в поисках лучших условий жизни. Поэтому даже при совпадении с темой, канцелярская редакция не жаловала художественные описания, которые активно сокращались. Примером может послужить отчет А.Н. Островского «Путешествие по Волге от истоков до нижнего Новгорода».

Для С.В. Максимова поездка не ограничилась лишь путевыми очерками, его библиографию в 1871 году пополнил роман «Год на Севере».

Как бы парадоксально не звучало, но именно в сложные периоды можно оценить жизнеспособность культуры. «После революции 1917 года были упразднены те организации, которые занимались охраной памятников в императорской России - Московское археологическое общество, губернские ученые комиссии, архивные комиссии и епархиальные церковно-археологические общества» [34, с 21]. «Действительность превзошла даже крайне пессимистические ожидания: стремительное разрушение памятников Севера началось уже в 1920-х годах и приобрело тотальный характер. Сегодня в Заонежье нет не только сказителей, но и самих деревень, где когда-то записывали былины и «плачи» фольклористы П.Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, как, впрочем, и тысяч других сел и деревень, возникших еще в XIV–XV веках и окончательно заброшенных к 60-70-м годам нашего столетия. Среди десятков деревянных храмов, изображения которых в 1909 году были помещены И. Э. Грабарем в первом издании «Истории русского искусства», уцелели лишь единицы» [51, с. 5]. Но в противовес этому были активизировались различные организации, созданные людьми несвязанные с властью.

В работе М.А.Смирновой «Влияние краеведческого движения на развитие Русского Севера» повествуется: «Археология всячески высмеивалась как направление «по разыскиванию кладов», этнография,

считалось, уводит советское общество «к лаптям и панёвам», а не «в светлое будущее». Допускался фольклор, только имеющий “советский” оттенок»[63, с. 22]. Подстроить творчество Русского Севера, который итак был всегда достаточно далёк от политики, под советский лоск оказалось не так уж и просто. Поэтому краеведы активно создавали свои движения и даже тайно восстанавливали архивы. Многие северные общества пытались активно заниматься археологическими и этнографическими исследованиями.

Примечательно, что среди десятков деревянных храмов, изображения которых в 1909 году были помещены И.Э. Грабарем в первом издании «История Русского искусства», уцелели лишь единицы. «Взорван древнейший на Севере каменный собор, стоявший в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, его участь разделили постройки многих монастырей, основанных в глухих вологодских лесах. Вместе с церквями гибли рукописи: достаточно вспомнить судьбу Коми-Вымской летописи, содержащей уникальные известия о жизни Устюжского края и бесследно исчезнувшей в Устьвымлаге, на чьей территории оказался бывший центр Пермской епархии. Быстро менялось массовое сознание, в нем все прочнее утверждалась идея «культурной неполноценности прошлого», представление об ущербности всего, что связано с традиционным сельским укладом. Вот почему сельские жители уже не помнят ни традиционного крестьянского календаря, ни назначения тех орудий, которые недавно были незаменимы в хозяйстве» [43].

В работе А.В. Журова «Василий Белов: Опыт разлома» мы видим: «Вплоть до начала XX века язык крестьянского мира никогда не пытался выйти за свои пределы. Он был окаймлен размеренным ходом крестьянской жизни, замкнут на самом себе и не искал иного. Это было фольклорное, устное творчество, которое периодически подпитывало большую культуру, но само всегда оставалось лишь продолжением

непосредственной жизнедеятельности, быта крестьянской деревни» [36, с. 129].

Творить в такое непростое для фольклора время пришлось писателю Б. В. Шергину. Его произведения представляли собой фольклорно-литературные сказки. «Расцвет его творчества (1930-е - 1950-е годы) пришелся на время, когда фольклор постепенно превращался из живого народного искусства в «музей», объект исследования специалистов. Кроме того, власть не поощряла «малые» фольклорные жанры – сказки, анекдоты, песни, частушки, ведь она не могла контролировать их содержание, всегда обращенное к современности, но не всегда положительно ее оценивающее» [67, с 6]. Но у Б. В. Шергина был особый подход к авторству и несмотря на приверженность к фольклорному канону, он преобразовывал свои тексты в связи с собственным видением: «Что увижу, то и мое».

Первая часть произведения «Северный дневник» вышла в 1960 году, а создавалась она преимущественно в конце 50-х гг. «В очерке Ю. П. Казакова «Северный дневник» архангельский локус занимает важное место. Хотя основной целью автора было постижение жизни и характеров поморов (негородских жителей), Архангельск, как столица края, также вызывает авторский интерес. Принципиальная разница в описаниях городского и негородского пространств в «Северном дневнике» заключается, на взгляд авторов, в том, что в первом случае в центре находится город (место), а во втором – человек (характер, личность)» [15, с.190].

С присоединением регионов к Москве, Русский Север становится местом наказания. Со времён Ивана Грозного эти земли были первыми для ссылки и каторги, позднее же стали в большинстве случаев отправлять в Сибирь. «Поток ссыльных увеличился после разгрома восстания декабристов и в связи с воцарением в декабре 1825 г. Николая I, проводившего на протяжении своего 30-летнего правления жесткий

охранительный курс. В 1825–1917 гг. не было ни одного крупного тайного общества или оппозиционного или революционного движения или партии, представители которых не оказались бы в северной ссылке»[52, с. 113]. С приходом Советской власти Русский Север покрыла густая сеть концлагерей, он снова стал регионом невольных людей. Чтобы понимать масштабы, можно обратиться к истории Коми, здесь мы увидим, что в начале 1950-х численность заключённых колебалась в районе 150-250 тысяч человек, а спецпереселенцев было порядка 30-40 тысяч человек, тем временем в 1929 году население Коми было порядка 237 тысяч.

Некоторые из ссыльных были дворянского происхождения, образованными и культурными людьми, по интеллектуальному уровню превосходившие местных чиновников. Поэтому иногда участники запрещённых обществ и кружков начинали научную деятельность в ссылках, в том числе краеведческую, тем самым поднимая историографию губернии. Например, политические ссыльные внесли заметный вклад в развитие региональной историографии Олонецкой губернии в первой половине XIX в. Большое влияние оказал поэт-декабрист Ф.Н. Глинка. Полковник Глинка не принимал особо активного участия в восстании декабристов, его больше можно отнести к одному из инициаторов создания ранних декабристских организаций, но тем не менее после его подавления был заключен в Петропавловской крепости сроком на 13 недель и после сослан в Петрозаводск, где находился под надзором полиции.

Он был определен старшим советником Олонецкого губернского правления. В одном из донесений о «поведении и образе мыслей» поднадзорного Ф.Н. Глинки губернатор П. А. Лачинов написал: «...Он и некоторые молодые люди собираются по вечерам для чтения журналов и других книг, получаемых Глинки, и хотя по разведыванию моем при том ничего особенного не происходило, я без всякой огласки приказал

прекратить оное». За годы ссылки писатель создал на местном материале поэмы «Карелия» и «Дева карельских лесов» и цикл стихов. Ему же принадлежат первые попытки перевода на русский язык карело-финских рун. Один из таких переводов «Вейнамена и Юковайна» был опубликован в мае 1828 г. в журнале «Славянин». За годы ссылки Глинка хорошо изучил, опираясь на различные документы и труды краеведов, историю, географию, культуру и быт населения Карелии. Свои впечатления о жизни Петрозаводска ссыльный поэт изложил в серии заметок «Письма из Петрозаводска», опубликованных в 1826–1829 гг. в газете «Северная пчела» [53, с.114].

Важно упомянуть, что царская ссылка была достаточно гуманной, и ссылкой в Карелию наказывались люди, чья вина перед властью была не очень велика, поэтому многие ссыльные не занимались революционной деятельностью, вели себя лояльно по отношению к местным властям, и занятия краеведением были формой этой лояльности. И, наконец, роль тех ссыльных, которые занимались краеведческими исследованиями, в разное время была отличной. Наибольший вклад в изучение Карелии внесли ссыльные 1825–1861 гг.

Но настоящим символом русской ссылки стали Соловецкий монастырь, другими словами Соловки. Рассматривая в научной статье «Топоним Соловки как социокультурный знак в национальной картине мира» ассоциативный аспект этого слова» Т.В. Романова заключает: «В целом в данной словарной статье формируется негативный образ Соловков как места политического заключения. Низкая частотность реакций на стимул Соловки в значении «памятник» и «объект культурного наследия» свидетельствуют об одностороннем представлении об этом объекте, связанном в большей степени с Советским периодом». [59, с. 587]

Писатель Б.Н. Ширяев в лагерях оказался на раннем этапе их развития. «Каэр» (контрреволюционер), участник белого движения, он

был в очередной раз арестован в 1922 г. и попал в Соловецкий лагерь, СЛОН (Соловецкие лагеря особого назначения), где, в атмосфере произвола садистов, закреплялось выражение «здесь власть не советская, а соловецкая». Там же он задумал описать пережитое. Исполнить это удалось в послевоенный период, в эмиграции. После первого, чисто филологического труда, «Обзор современной русской литературы», вышедшего по-итальянски (1946), он пишет в Риме свой изначальный рассказ, «Соловецкая заутреня», ставший камертоном последующей «Неугасимой лампы». Несмотря на своё тяжёлое положение в ссылках, многие интеллигенты, в том числе писатели оказались способны оценить красоту природы и очарование Русского Севера и многие из них в дальнейшем неоднократно делали его основным пространством в своих книгах.

В понимании поморов, море является сакральным, живым пространством, которое вмещает в себя как начало, так и конец. Оно способно испытать человека, кормить, «забирать». Согласно писаниям святых, Белое море «смывает» грехи утонувшего в его водах человека и перерождает его в вечную жизнь. Архетипический мотивы смерти как возвращения в материнское лоно моря переплетаются с религиозным осознанием бессмертия человека. Это характеризует северного человека как зависимого от водной стихии, но уверенного в своём бессмертии.

Борис Шергин отмечал, что море «дышит» и его дыхание становится для местных жителей таким же необходимым, как и своё собственное. Море также служит Судьёй. Уместным здесь будет вспомнить житие Варлаама Керетского, жившего во дни царя Иоанна Васильевича Грозного (1533–1584). Будучи священником, отец Василий изгнал беса в Никольской церкви, в Коле. Но бес внушил священнику ревность к жене и побудил убить неповинную женщину, что тот и исполнил. Как говорится в преданиях, бес обморочил святого, приняв на себя вид мужчины и вышел из горницы жены священника. По другой

версии, изложенной в каноне соловецкого инокa Сергия (Шелонина), жена отца Василия начала бесноваться, внося смущение и слухи среди односельчан, а священник попытался изгнать беса и в результате смертельно ранил жену.

Тогда осознав всю глубину своего падения труп жены своей он положил в карбас (большая лодка, гребная и парусная, на 4–10 весел; употребляется для перевозки людей и тяжестей по рекам и морям) и в этом карбасе плывал по морю, плывал непрерывно с места на место до тех пор, пока мертвое тело убитой не истлело вовсе. Начав от Колы и держась обыкновенно берега, Василий направлялся по Северному Ледовитому океану на восток, к Белому морю; огибал он Святой Мыс, или Нос, около которого море опасно для плавания; далее заходил в Белое море и достигал родной Керети при Кандалакской губе. Люди с удивлением видели человека, который один в своем карбасе плывал по морю, не останавливаясь, без отдыха [84].

Василий попутного ветра, чтобы плыть на парусах, а напротив, плывал против ветра и против волн океана, постоянно работая веслом и не выпуская весла из рук. Этот факт отразился в присказке жителей Керети: «Куда пошел - как Варлаам против ветра». А норвежские рыбаки, когда с моря на берег идет туман и портится погода, говорят: «Русский поп жену привез».

Но Л.А. Дмитриев говоря о народных житиях в целом, отмечал: «Нетрудно убедиться, что жития подобного рода основаны на местных народных преданиях. Это уже рассказы не о подвигах во славу веры, не об иноках, не о церковных или государственных деятелях, а о простых людях из народа, пострадавших не во имя веры, а из-за своей несчастной судьбы, вызывавшей человеческое сочувствие» [33, с. 182]. Как говорил А. А. Мейер в вагоне поезда, находясь в первой партии заключенных: «Кончилась жизнь. Теперь начинается житие».

В агиографической традиции Русского Севера бытуют свои мотивы: обстоятельства смерти праведника либо остаются неизвестными, либо не укладываются в рамки церковного канона, а мощи праведника обнаруживают либо на земле, либо в воде непогребёнными. Эти нетленные мощи с почестями погребают и на этом месте устанавливают часовню, храм или переносят их в уже существующий храм, а со временем на это месте основывают монастырь. Имя и биография праведника неизвестны. Праведник понуждает к почитанию в ночных видениях, а также может просить перенести тело в другое место, поставить над ним часовню, написать икону или что-либо другое. Те, кто сомневается в святости праведника обычно наказываются, но после покаяния и молитвы к нему прощаются.

Артемий Веркольский, святой, которым так восхищался писатель Русского Севера Ф. Абрамов, умирает неканоническим образом – от удара молнии. Тело его отнесли в лес, погребать не стали, так как отрок умер внезапной смертью. Через 32 года было обнаружено, что мощи остались нетленны и в дальнейшем они спасли население от многих болезней. Н. М. Коняев, автор книги «Житие Федора Абрамова», пишет: «В детстве он мечтал быть похожим на святого праведного Артемия Веркольского». На противоположном берегу от родного дома Абрамова стоял монастырь, где покоились святые мощи этого праведника, на берегу реки Пинеги, в Архангельской области. Ф. Абрамова имел религиозную направленность в своих произведениях и ценил устойчивое вероисповедание в исконной русской деревни.

В работе «Знахарства и поверья в Поморье» Г. Цейтлин подчеркивает, что среди поморов отмечается весьма оригинальное явление. Многие православные люди, чувствуя близость смерти, принимали старообрядчество, так как у поморов считалось, что благодаря ему можно сразу попасть в Божье царство, так как по мнению поморцев это считалось самой богоугодной религией. В работе С.В.

Жарниковой «Истоки фольклора Русского Севера» русская культура рассматривается в параллели с индийскими истоками: «На побережье Белого моря еще в начале XX в. сохранились верования, удивительно близкие к ведическим, небес не одно, а много; на небе текут необыкновенные реки, растут золотые деревья, стоят золотые – горы. Солнце в Поморье почитается за женщину, а луна – за мужчину (как и в «Ригведе»), то, что «солнце пекет от лица Божия», а луна – от «головой Божией» по-существу является прямым аналогом древним арийским представлениям о сотворении Вселенной (зафиксированным также и в т.н. «Голубиной книге»)). [35, с. 23]

Жизнью русской деревни интересовалась важная, но менее известный деятель северной литературы – Ксения Гемп. Её произведения смело можно назвать энциклопедией Русского Севера. Советский и русский филолог Д. С. Лихачёв писал: «Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о деревянной архитектуре Севера, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытавших на себе гнетущей униженности крепостного права и сохранивших во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с другом достоинство Человека – таких книг почти нет. Поэтому я с радостью рекомендую книгу Ксении Петровны Гемп читателю. Десятки лет, с начала XX века, она не покидала Севера, жила среди людей Севера, объездила все его большие и малые места, знает не только поверхность моря, но, как гидролог, и его дно, записывала и изучала язык, песни, плачи, обряды»[48, с. 3].

Как К. Гемп, так и Ф. Абрамов являются представителями писателей-архангелогородцев и имеют как общие, так и различные между собой черты, но тем не менее оба являются проповедниками своей малой родины, при этом совершив совершенно различный как профессиональный, так и жизненный путь.

Таким образом, в первой главе мы рассмотрели понятие Север и Русский Север в работах географов, этнографов, историков, культурологов, исследователей краеведов, на основании которых можем определить Север как устойчивый топонимический маркер, не всегда определенный конкретными географическими границами, а в культуре и литературе как художественный «топос», значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства.

Важный аспект в изучении Севера – исследования в области культуры, который обозначила известная Литературная экспедиция, проведенная сыном Николая I, князем Константином Николаевичем в 1855-1861 году привлекла внимание писателей к Северу как загадочному и удивительному краю. Среди тех, кто был привлечен к работе с северным материалом по инициативе руководителя экспедиции, оказались И. А. Гончаров, С. В. Максимов, А. Ф. Писемский, Д. В. Григорович, А. А. Потехин, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А.Н. Островский.

Но наиболее знаковым явлением стали фольклорные экспедиции по инициативе Ксении Петровны Гемп в советское время, с 1950-е годы. Материал этих экспедиций вошел в знаменитый «Сказ о Беломорье», а также стал основой для ее многочисленных сказок для детей. Многие страницы книги К. Гемп вдохновляли творчество Ф. Абрамова, который много писал о Севере и его людях. Поэтому вторая глава будет посвящена сравнительному анализу произведений двух удивительных авторов, одинаково влюбленных в Север и внимательно описывающих быт и нравы поморов.

ГЛАВА 2. АРХАНГЕЛЬСКИЙ КРАЙ: ПОЭТИКА СЕВЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. АБРАМОВА И К. ГЕМП

2.1. Природа и море Архангельского края в пространстве произведений Ф.Абрамова и К. Гемп

В выступлении «Я всегда взываю к активности» на встрече с архангельской интеллигенцией Ф. Абрамов на вопрос «Какова судьба новой рукописи Ксении Петровны Гемп «Памятные встречи?», отвечает: «Нет, она будет называться сейчас не «Памятные встречи». Она называется «Сказ о Беломорье»». Ксения Петровна Гемп живёт в Архангельске, это человек, который достоин, чтобы к ней просто ходили на поклон, паломничества совершались. Это человек невероятный, это живая история вообще всего Севера» [8, с. 53]. Ф. Абрамова многое сделал, чтоб вышла в свет книга Ксении, а предложенное название обосновал так: «Сказ – слово неоднозначное. Бытует оно в просторечии и как повествование. Коротко и ясно. Вот и весь сказ» [52]. Также на встрече с архангельской интеллигенцией Ф. Абрамов скажет: «Я очень хотел, чтобы эта книга увидела свет, и, разумеется, со своей стороны почту, сочту за счастье сделать всё, чтобы это случилось. И я это делаю.

И добился вместе с Д.С. Лихачёвым публикации. Правда, первое издание вышло в урезанном виде, второе – дополненное – выйдет только в 2004 году, после смерти К.П. Гемп» [8, с. 53].

Стоит предположить, что первое название «Памятные встречи» идёт от деятельности Ксении Гемп. Известный краевед Геннадий Попов вспоминает: «Общение с Ксенией Петровной оставило неизгладимый след в моей жизни. Мы, несколько человек, пятнадцать лет, начиная с 1966 года, собирались у нее по субботам. Это были памятные, незабываемые встречи, сыгравшие огромную роль в формировании моих взглядов на историю, отношения к православию, поисковой творческой работе» [87]. Книга «Сказ о Беломорье» была издана как раз спустя 2 года после того, как эти встречи прекратились. Именно на них у Ксении Петровны Гемп постепенно сформировалась полноценная картина культурного и исторического образа Севера. Также Геннадий Попов вспоминает такой поступок: «Кстати, у Гемп просили продать Пушкиниану, но она предпочла отдать ее в Пушкинский дом, а сколько книг и редких документов подарила архивам, музеям, библиотекам, более трех тысяч – областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова...» [Там же].

Книга была написана Ксенией Гемп во время того, как она сломала ногу, проводимые ею встречи, многочисленные работы впервые смогли вылиться и сформироваться в отдельную книгу, Ф. Абрамова на этот счёт пишет: «Впервые за многие-многие годы у этой неукротимой женщины, каждодневно занятой работой ученого и краеведа, общественника и лектора, появилось время, когда она могла оглянуться назад, всмотреться в прошлое, в свою необычайно яркую и богатую жизнь» [14, с 201].

Знакомство писателей произошло по инициативе Ф. Абрамова, в его заметках «2 часа у Гемпов», датированных 27-28 марта 1976 года и опубликованных в журнале «Двина», читаем: «Я давно мечтал

познакомиться с Гемпами. Много о них слышал, не раз читал в газетах. Но как побороть свою крестьянскую стеснительность? <...> Выручил меня на этот раз главный идеолог Архангельска, секретарь обкома Сапожников – его я упросил поехать со мной» [5, с. 14]. Они, как писатели схожего направления интересовались жизнью друг другой и имели особые отношения, но тем не менее при жизни имели немного встреч. Несмотря на это К. Гемп скрупулёзно подсчитает: «С Фёдором Александровичем Абрамовым я встречалась двенадцать раз. Трижды в Ленинграде и девять раз в Архангельске. В 1973 – 1981 годах. Были встречи и короткие, были и встречи – длительные разговоры». Также она утверждает: «Мы знакомы были в общей сложности 17 лет, а четырнадцать лет нас связывала крепкая дружба»[25].

Ф. Абрамов высоко ценил стиль и слог сочинений К. Гемп, о чём всегда ей открыто говорил. Евгений Салтыков передаёт его слова: «Ксения Петровна, о давних временах вы пишете современно, люди вашего возраста старым слогом пишут обычно. Это не комплимент – на самом деле так. Читаешь вами написанное – не оторвёшься, истинный бог, говорю...». К. Гемп, в свою очередь, отмечала: «Ф. Абрамова не только писатель, а великолепный докладчик, выступал без конспектов, бумажек. Начинал спокойно, разгораясь постепенно «входил в раж», как он сам выражался. Убедительно говорил».

Ф. Абрамов проявлял постоянную заботу о К.П. Гемп: «Когда я приезжала в Ленинград, – говорит К.П. Гемп, – Фёдор ни разу не пропустил, чтоб не встретить меня, хотя надо ехать в Пулковое встречать архангельский самолет. Ни разу не сказал, что нету времени вас проводить. Отвезёт, посмотрит и скажет: «Эта женщина должна сидеть на переднем месте у окна», а в аэропорту Архангельска её уже ждала машина» [39]. «В письмах из Ленинграда или своей родной Верколы Фёдор Александрович неизменно спрашивал: «Как там К.П.? Как она чувствует себя? Всё ли в порядке?» [Там же].

Если начать рассматривать направленность писателей с точки зрения их литературного и биографического пути, то мы увидим, что Ксения Гемп, с раннего детства живя в городах, с особым рвением тянется к глубинке Русского Севера и ценит самобытность русских деревень, как и Ф. Абрамов, но тем временем второй писатель наоборот проходит путь от села к городу. Поступив на филологический факультет Ленинградского государственного университета, позднее он лишь посещал родное село. В интервью газеты «Архангельск» № 7 от 21 февраля 2019 года доктор филологических наук, профессор САФУ, явно показывает, что данный факт не прошёл мимо земляков Ф. Абрамова: «Хотя в Пинежье дети даже перекормлены Абрамовым, его там слишком много, он как данность: «вы его земляки, вот и гордитесь». Но мы провели опрос среди ребят, и его результатами, честно скажу, был обескуражен. Для них Абрамов-писатель и Абрамов-человек – разные люди, говорят: «Он лицемер, потому что писал о деревне, а сам жил в городе» [93]. Сам же Ф. Абрамов при жизни посещал Верколу регулярно, она служила основным художественным материалом для его литературных работ. Мнение о двойственности Ф. Абрамова, к сожалению, являются не редкостью в публицистике. Приведем в пример интервью с профессором Л. М. Аринштейном, где можно встретить такие фразы как «...двойственность – она заключалась в том, что он играл определённую роль» [66, с. 625], «Что касается содержания того, что мне вспоминается в связи с Абрамовым, то это прежде всего артистическая способность играть любую задуманную им роль. По моим наблюдениям, он не очень-то верил партийной идеологии того времени» [Там же], «Я бы сказал, что из него мог бы выйти прекрасный актёр... Ни в коем случае не предполагал, что из него может выйти писатель» [Там же, с. 629]. Сама жена писала о противоречивых и разных склонностях и помыслах Ф. Абрамова. Но воспоминаний землячки Н. И. Каракиной мы видим: «Он нуждами колхоза всегда интересовался. И

если была возможность помочь, всегда помогал» [24, с. 125]. А Е. В. Клопова вспоминала: «Фёдор Александрович болел душой за наши недостатки и промахи, подсказывал и добивался, чтобы жизнь Верколы была лучше. А как он хотел видеть родной колхоз в передовых» [Там же]. Ф. Абрамова болел за жизнь своей родины, он постоянно говорил, что его деятельность посвящена тому, чтобы улучшить условия жизни в селе. «Непрост был Фёдор Александрович, обзавёлся не только обожателями, но и недоброжелателями. Тем не менее с годами народная к нему тропа не зарастает. Значит, сделал для людей что-то очень нужное, жизненно важное. Одно то, что Ильинская церковь обязана своим спасением ему, Фёдору Абрамову, разве мало в глазах односельчан?!» [12, с. 45].

Как мы можем заметить, у Ф. Абрамова рассказчики нередко являются именно городскими жителями, которые лишь ненадолго посетили нелюдимые края Пинежья. Поэтому создаётся такая система образов, где городские люди являются динамическими персонажами, а жители деревни статистическими, что создаёт между ними оппозицию. Вероятно, это была очень комфортная форма для произведений, так как он мог погрузить читателя в быт и внутреннюю жизнь деревни Русского Севера, но при этом встать на один уровень восприятия с читателем, т. к. чем дольше пребываешь в городе, тем отчётливее выходят на передний план контрасты родного села и деревенской жизни. В работе «Русский характер в малой прозе Ф. А. Абрамова» С. А. Груша считает героя-повествователя во многом автобиографичным. Это проявляется как и в образе персонажей, так и в описании художественного пространства. Рассказчик чаще всего является корреспондентом, писателем или учёным, а также является не просто отстранённым от событий, а вовлечённым в них, как и сам Ф. Абрамова. Чем позднее написано произведение, тем становится активнее повествователь, что можно оправдать более сформированными взглядами самого Ф. Абрамова.

В его интервью нередко встречается застенчивость «Я рад встрече с нашим многомиллионным советским-телезрителем. Но, видит бог, я не рвался на эту высокую сцену. И прошло немало времени, прежде чем я дал согласие. Я не артист, я не поэт, я не эстражник. И, конечно, чувство страха: смогу ли я занять вас целый вечер, овладеть вашим умом и сердцем, не наскучу ли вам?» [10, с 58].

В Архангельской области человек неотделим от природы. Данная парадигма отражается и в произведениях К. Гемп и Ф. Абрамова. Чтобы понимать северного человека, сначала нужно вникнуть в эту чуждую, неуловимую для городского жителя связь между ним и природой. Наиболее ярким архетипом в художественном пространстве является образ моря.

В произведениях К. Гемп образ моря встречается более выразительно, чаще, чем у Ф. Абрамова, у которого легче встретить озерно-речную тематику. Этому есть простое объяснение, писатели хоть и являются певцами Архангельского края, но прежде всего их можно назвать проповедниками своей малой родины. У К. Гемп – это Архангельск, который является портовым морским городом. Стоит упомянуть, что фактически она родилась в Санкт-Петербурге, но только по той причине, что тогда родители получали в этом городе образование, в действительности же она принадлежала дворянской семье архангелогородца и сразу же после окончания обучения вся семья вернулась обратно в Архангельск. Нельзя упустить тот факт, что она вела научную деятельность в области биологии, альгологии. К. Гемп овладела наукой самостоятельно и посвятила десятилетия жизни изучению водорослей Белого Моря, тем самым внося неопределимый вклад в исследование перспектив их использования. «Морские водоросли представляют собой ценное сырье, из которого получают целый ряд веществ, необходимых для пищевой, химической и фармацевтической промышленности. Среди них в первую очередь следует назвать

органические соединения йода, монит, агар и многое другое. Кроме того, в традиционном сельском хозяйстве Поморья они используются в качестве удобрения» [77, с 61]. Исследования начались в 1927 году с поручения обследовать запасы промысловых водорослей Белого моря.

В данном случае можно смело утверждать, что К. Гемп помимо эмоциональной связи с морем, имела ещё и профессиональную, научную. Писатель К. Гемп нередко упоминается в научных работах, которые касаются пространства и образа моря. Одним из примеров служит статья Е. Ш. Галимовой «Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы». В работе автор ссылается на плачи записанные Ксенией Гемп, указывая на безграничную власть моря над человеком, которые в них выражаются. В данном случае проводится аналогия архетипу мать-земля, в данном случае упоминается о присутствующих в произведениях К. Гемп мифологических мотивах «смерти возвращения в материнское лоно океана-моря» [23, с. 160]. Вторым примером служит работа А. Е. Тимофеевой «Пространство моря на Русском Севере», где упоминается записи Ксении Гемп, где утверждается, что в начале XX века сохранились записи, где люди обращаются к морю как к живому существу. Основополагающим источником материала исследования в работе Е. В. Ильина «Манифестации лингвокультурного концепта море в лексографическом дискурсе» также послужил труд «Сказ о Беломорье» К. П. Гемп.

Не зря Ф. Абрамова в статье «К. Гемп её «Сказ о Беломорье» показывает, насколько она близка к морю с детства, что избородила его на судах, парусниках и на рыбацких лодках. Он смело утверждает, что К. Гемп читает море, как книгу, зная его переменчивый характер, даже зная его ветры и подветрьях, которых около десяти. Если даже рассматривать наиболее морское произведение Ф. Абрамова «Жила-была Семужка», единственную сказку, написанную писателем, то

вникнув в сюжет, мы видим, что в конце концов, Красавка, главная героиня, должна была вернуться в свою родную речку, нерест, ведь так гласит «природный» и «социальный» долг. Красавку, рано покинувшую маленькую речку под названием Юла, входящую в акваторию Северной Двины, постигает расплата за чрезмерные духовные амбиции и желание собственного величия. Даже в этом случае Ф. Абрамова, как и во всех остальных произведениях, пишет о своей землячке, поморке, в рыбьем обличье.

Л. В. Крутикова-Абрамова в книге «Жива Россия» пишет о том, что Ф. Абрамова задумывал сказку как философское произведение о смысле жизни, о поисках ответов на вопросы как жить и какого поведения придерживаться. Уместно вспомнить сказку А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» так как наблюдается похожий посыл, где встаёт проблема ненасытности, только у Ф. Абрамова речь идёт о духовной, которая и губит Сёмужку, а у А.С. Пушкина представляется материальная ненасытность со стороны старухи. Но также и стоит вспомнить саму золотую рыбку, которая фигурировала как некое волшебное существо носящееся магические способности. Похожим персонажем в сказке «Жила-была Сёмужка» является «Лох». Семужий бессмертный предводитель, который прекратил вымирание рода, гибель от злых щук, тесноты и духоты, нашёл новые воды. В сказке Ф. Абрамова говорится: «О смелости Лоха слагали легенды. Он не кланялся ни налиму, ни окуню и даже злой щуке не уступал дороги» [6, с. 210]. Приняв рыболовный крючок за легендарного Лоха Красавка думает: «Это Лох, сам великий Лох идет к ней. Кто же еще может ходить в таком гrome и лучезарном сиянии? Вот оно, счастье, вот награда за все страдания и муки, которые она претерпела в реке» [Там же, с. 223]. То есть в представлении Сёмужки он предстал бы именно в «точно само солнце» свете, как золотая рыбка А.С. Пушкина.

Вышеупомянутая параллель особенно актуальна, если рассмотреть общую приверженность как Ф. Абрамова, так и К. Гемпк творчеству Александра Сергеевича Пушкина. Накануне своего 17-летия активно участвовал Ф. Абрамов в «юбилейном» мероприятии, связанное со 100-летней годовщиной гибели Александра Сергеевича Пушкина. К тому времени он уже определённо считался лучшим и «по учёбе», и по «знанию творчества Пушкина» – так сказано в приказе директора школы И. Г. Фофанова, определившего Абрамову на текущую четверть стипендию имени Пушкина, которую предоставил Карпогорский районный комитет профессионального союза учителей. В «Сказе о Беломорье» есть глава под названием «Поморы и Пушкин». Мнение К. Гемпо о Пушкине можно подчеркнуть из слов: «Каждое слово Пушкина по выразительности, точности передачи мысли и чувства, построение стиха, красота его звучания и все стихотворение в целом по глубине содержания и высокому вдохновению требуют от переводчика не только знания тонкостей его родного и русского языков, но и большого таланта поэта-мыслителя» [4, с. 218]. Рассматривая заметки о Пушкине Ф. Абрамова, можно сделать вывод, что писатель питал абсолютную любовь к гению русской литературы. В заметке от 16 апреля 1983 года он пишет: «Пушкин хорош во все времена года, в любую погоду. В стужу. Окоченели все. А он с жаркой кровью. Гениальный памятник. Больше ростом реального Пушкина. Величав. Но кто против?» [7, с. 223]. В заметке без точной даты он приводит такое сравнение: «Пушкин похож на бога. Он создавал русскую художественную вселенную, оттого он так разнообразен» [Там же, с. 224].

Родина Ф. Абрамова несомненно является – Веркола, село в Пинежском районе Архангельской области, находящееся на берегу реки Пинеги. Село отличалось от деревни большим размером и наличием церкви. Нередко можно было встретить посады и слободы, которые занимали промежуточное положение между городским и сельским

типом поселений. Не менее важным фактором является сельское хозяйство в географическом отношении, ведь те, кто жил в верховьях рек, занимались преимущественно земледелием, Ф. Абрамова жил в среднем течении реки, где в основном преобладало животноводство. В статье А. П. Васильевича «Лингвокреативный потенциал сравнения в народной речи (на материале повести Ф. Абрамова «Пелагея»)» показывается природность, которая выражается как в описаниях писателя, так и в речи героях. Например, свойства растений переносятся на действия человека (идёт – выгибается, как лоза), эмоциональное состояние также переплетается с природными мотивами (сомнение, как мутная вода). Также рассматриваются зооморфические с действиями (она, несмотря на всю свою слабость, как зверь, кинулась; безотказно, как лошадь, как машина, работал). Чтобы в наибольшей мере показать привязанность северного человека с природой приведем пример из рассказа «Сосновые дети». В произведении главная героиня Наташа настолько была очарована кедрами, что вышла замуж за человека, который их вырастил: «А Нюра Канашева, учительница, со мной ехала. «Нет, говорит, Наташа, это не сосны, это кедры». Да эти кедры мне по ночам стали сниться. Ей-богу! Всю зиму снились. Ну а весной, когда снег стаял, я и побежала с лесопункта в Шушу. Кедры смотреть. За тридцать километров! Вот какая глупая была. – Наташа, закусив губу, покачала головой. – Было у нас делов-то! Мама узнала, что я с гопником старым связалась, – в слезы. Брат приезжал за мной. А на лесопункте-то сколько разговоров было!..» [2, с. 262]. В этом проявляется не только легкомыслие, сколько глубокое и чувственное понимание природы, принятие её как неотъемлемой части жизни. В следующем эпизоде мы видим, что героиня рискует здоровьем своих будущих детей ради того, чтобы не погибли сосны: «Жара была, Алексей, они у меня начали сохнуть – как котятка без молока. Ну, я копач в руки и давай махать с утра до ночи. И вот, понимаешь, Наташа тогда в положении была. Зачем

же вот ей-то было за копач браться? Недоглядел, Алексей. Нескладно у нас получилось. Врачи говорят: конец вашим детям...» [Там же]. В произведении отражается непрекращающийся энтузиазм в контакте с природой. К. Гемп жила в низовьях рек, у моря, где популярностью пользовалось рыболовство. В советское время сохранилась такая же тенденция, то есть земледельческие колхозы и животноводческие, рыболовческие хозяйства.

Образ моря является доминирующим у К. Гемп: «Много было у меня встреч с Беломорьем, краем сильных, мужественных людей, воспитанных морем» [4, с. 76]. В «Сказе о Беломорье», море являясь кормилицей, никогда не обвиняется в том, что «забирает» людей, ведь в представлении поморов, море, как и Бог имеет право как давать, так и забирать, поэтому люди хоть и тяжело переживали потери, но всё же внутренне принимали жертву морю, об этом они говорят: «И радость, и горе помору – все от моря» [4, с. 154]. Ни одна женщина не порицала море: «Отзовешься неладно, рассвирепеет» [Там же, с. 141], – объяснила мне одна из ожидающих, а вторая добавила: «Живем веть-им» [Там же]. Современному человеку, который отправляется в море на крупных, хорошо оснащенных судах не совсем понятен тот трепет и страх перед морем, что было свойственно помору ещё сравнительно недавно. Улучшение условий труда повлекло за собой уменьшение смертей в ходе промысла и снижение их числа к минимуму, в ходе этого ожидания, которые создавались поморскими женщинами, которые не знали вернётся ли домой хозяин дома, вышли из обихода. К. Гемп пишет: «Забылись ожиданьица, ушел из жизни еще один вид устного народного творчества, хранит его только память немногих свидетелей былых тревог сердца за кормильца, за опору семьи» [Там же, с. 147]. Многие фольклорные жанры умирают в следствие того, что активно развиваются технологии, таким образом можно предположить, что чем быстрее эволюционируют технологии, тем больше ослабевает народная культура

и поэзия. Из-за тяжести добывания пищи, ведения хозяйства и тяжёлых промыслов у поморов все предметы быта начинают нести особую важность и сакральный смысл. Будь это хлеб, печь или изба.

2.2 Жизнь русской деревни в изображении К. Гемп и Ф. Абрамова

В произведении «Сказ о Беломорье» К. Гемп отмечает, что тяготы рыбака приравниваются к бремени хлебороба: «Помор с детства привык к уважительному отношению к хлебу. Он от старших слышал, а потом и на опыте познал, что хлеб для него главная пища, без него не прожить. Знал он, сколько труда положено, чтобы вырастить зерно, обработать его и испечь хлебушко» [4, 159]. В произведении Ф. Абрамова «Вкус Победы» описывается отношение к хлебу во время войны, в сюжете мы видим вернувшегося с войны солдата: «Ну, догадался Санко, что у нас на уме. Достает из мешка буханку хлеба. “Вот, говорит, девки, так Победа-то выглядит”» [3, с. 374]. Да давай эту буханку на всех резать». Во время войны значение хлеба вряд ли можно было преувеличить, но дальше мы видим чем хлеб заменяли тогда, когда зерна для настоящего хлеба не хватало: «Долго я после того капризила. За стол садимся, мама даст кусок, скатанный из моха да картошки, а я в слезы: “Победы хочу...”» [Там же]. Пример использования хлебозаменителей можно также встретить в рассказе «Офимьин хлебец»: «Дала попробовать – эх, хорошо! “Где взяла? Где достала?” – “На болоте”. Назавтре все моховиков напекли – ну не те. Скус не тот. Опять: сказывай, где мох брала. Я отвела место на болоте – всю войну не знали горя. Уродило не уродило – мы сыты» [3, с. 374]. Но далее мы видим, что такой рацион был нетипичен для жителей деревни: «Думаешь, мне благодарность была? Спасибо сказали? Тепере-ка клянут. У всех желудки больны. От Офимьиного хлебца, говорят. От моха» [Там же]. Прототипом Офимы была реальная жительница Верколы, которая была знакома с Ф.

Абрамовым, её звали Ефимья Фёдоровна в деревне Веркола, которую все в деревне звали Офимья. Жители Русского Севера действительно по разным причинам могли употреблять в пищу хлебозаменители, но назвать это привычной пищей XX века исходя из того, что остальные жители деревни не догадались использовать мох в изготовлении хлеба. Также на это указывает тот факт, что такая пища непривычна для их организма.

Традиционно хлеб выпекался в печи. Русская печь была сердцем избы и имела весьма многофункциональное значение, она служила местом приготовления пищи, грели жильё, печь использовали для сушки одежды, хранения домашней утвари, лежанья и спанья. Примечательно, что в основном на печках спали старики, дети и заболевшие. В произведениях Ф. Абрамова «Деревянные кони» мы видим явный тому пример: «Однако, к нашему счастью, ничего этого не потребовалось. На третий день Милентьевна сама слезла с печи. И не только слезла, но и без нашей помощи добралась до стола». В данном случае будет уместно упомянуть работу С. В. Жарниковой «Истоки фольклора Русского Севера», этнограф пишет: «Печь и хлеб – два символа человеческой общины, семьи» [36, с. 16]. В книге упоминается русская народная сказка «Гуси-лебеди», где сестра похищенного мальчика первое, что встречает на своём пути – печку, которая является символом социальной природы человека, так как «мы единственные живые существа, поддерживающие и получающие огонь искусственно и к тому же единственные «термически обрабатывающие пищу» [Там же]. Печка предлагает девочке ржаной пирог, но девочке приходится от него отказаться, потому что «героине сказки надо выйти за пределы человеческого социума и она не ест ритуальный хлеб» [Там же], но делает это по возвращении в знак обратного входа в социальное общество. Любопытным является желание Бабы-яги запечь мальчика и девочки в печке плотно связано с древним обрядом «перепечения»:

«Считается, что если грудной ребенок перепутает день с ночью, постоянно плачет, болеет, то его как-бы подменили и необходимо это дитя перепечь. Обряд перепечения должны проводить два человека – самая старая женщина в доме и самый маленький, способный стоять на ногах, ребенок. Собственно ребенок ничего не делает, он просто присутствует при обряде. Бабка же, привязав младенца к хлебной лопате, трижды засовывают его в теплую русскую печку, приговаривая при этом: «перепекаем подмена, выпекаем русака» [Там же]. После этого ребенок считается доведенным до необходимого состояния и как-бы заново родившимся». Именно это и стремилась сделать с детьми Баба-Яга, она желала их «поджарить», довести их до зрелости для существования уже в потустороннем мире.

В мире помора было немного деталей, но все имели исключительную важность, в нём не найти ничего лишнего. В «Сказе о Беломорье» К. Гемп пишет: «Все старые поморские строения отличаются не только соразмерностью архитектурных линий, законченностью, но и практичностью. В них нет ничего лишнего, но есть все необходимое для жизни в условиях Севера, для работы поморской семьи». Но не стоит думать, что быт помора примитивен, лишённый красоты и вкуса, на этот счёт в этой же книге припрятана поморская поговорка, которая гласит: «В каждой избушке свои погремушки, в каждой избе свой погром, в каждой деревне свой обиход, а везде все наше -поморско» [4, с. 37]. Другими словами, каждый дом индивидуален, выражает творческое настроение хозяина.

Северную избу украшали резьбой, а также расписными украшениями. Изображались на стенах различные картины, а также были расписаны отдельные детали интерьера. В белых избах разрисовывали печки, припечные и подшестковые доски, перегородки комнат, стены комнаты, шкафы, полки-грядки, брусья полатей, столы, божницы. С появлением белых изб стали разрисовывать окна, кистью

обычно наносили растительный узор, особенно древо жизни. Чаще всего это были изображения растений и животных (например, лев по-местному лёвушка), а также людей и даже жанровые сценки. В старину дома и снаружи украшали росписью: либо красили фронтоны, карнизы или наличники, либо разрисовывали их узорами. К ним относятся росписи архангельские, вологодские и костромские. По художественным особенностям они были близки. Все они сохранили архаичные черты, свойственные росписи севернорусской зоны и связанные с местным искусством прошлых времен - расписными печами изразцами, деревянной скульптурой, книжной миниатюрой. В подобных украшениях – вышивках и кружевах – это тоже было зафиксировано. Быт и хозяйство в большинстве своём держалось на женщине, мужчина же тем временем мог уйти на долгий промысел, тогда женщине приходилось и работать, и заниматься семьей.

2.3 Образ женщины в произведениях К. Гемп и Ф. Абрамова

Как у К. Гемп, так и у Ф. Абрамова встречается акцентированность именно на женской фигуре в общей художественной картине Русского Севера. Невольно создаётся ощущение, что весь Русский Север держится на женщине. На выступлении в телестудии «Останкино» под названием «Самый надёжный судья – совесть» Ф. Абрамову задали последний вопрос, который звучал так: «Как случилось, что большинство ваших героинь – русские женщины, что они во многих произведениях потеснили мужчин?» [10, с. 94]. На это Ф. А. Абрамов ответил: «Ради ответа на этот вопрос я, пожалуй, встану. Я уже говорил о лирических причинах, почему меня так привлекают женщины. Прежде всего женщина мне дорога своей ролью в нашей жизни... мужчина

пришел с работы, ...большинство к телевизору. У женщины, и это мы все хорошо знаем, после рабочего дня на предприятии, в школе, на фабрике, дома начинается второй рабочий день, не менее сложный, не менее трудный, а может быть, и тяжкий. Это беготня по магазинам, дети, обедешко какой-никакой надо сварганить, постирать, и так далее, бутылку вырвать из рук мужа, направить его на путь истинный, образумить...» [Там же].

Далее Ф. Абрамов упоминает годы войны, когда женщины оставались без помощи и продолжали жить без неё после войны; сенокос и безотцовщина. Писатель знает то, что говорит на опыте, ведь потерял отца, когда ему было год, поэтому с детства с братьями приходилось помогать матери и видеть какие тяготы ей приходится преодолевать. В конце выступления заключает: «И, конечно же, русская баба, русская женщина достойна самых великих памятников. К сожалению, наши памятники не всегда отвечают этому. Всегда ли узнаешь в них Мать, с ее бесконечной любовью, с ее способностью к великому самопожертвованию, с ее вечным страхом и заботой и робостью в глазах? Я верю, я надеюсь, что у нас, наряду с этими монументальными образами, появятся памятники, когда на пьедестал шагнет простая, всем знакомая русская женщина – мать» [10, с. 94].

В «Сказе о Беломорье» мы встречаем фразу показывающую, что в поморском менталитете в целом не принято делиться проблемами семьи: «Жизнь поморской семьи протекала в ее замкнутом кругу. Помор не обсуждал свои семейные дела на людях, поморки тоже считали: семейные дела — свои дела.» В повести Ф. Абрамова «Деревянные кони» мы видим, что героиня М. И. Уруваева пострадала от рук своего мужа, но тем не менее не спешила делиться этой бедой, также у неё отсутствовало желание проучить мужа: «Братья услышали: зять сестру застрелил – на конях прискакали. С ружьями. “Только одно словечушко, сестра! Сейчас дух выпустим”. Крутые были. Силачи – медведя в дугу

согнут, не то что там человека. И вот тогда мама и сказала им: “И не стыдно вам, братья дорогие, шум понапрасну подымать, людей добрых баламутить. Хозяин молодой у нас ружье пробовал, на охоту собирается, а вы невесть что взяли...”» [1, с. 23]. Ревность вызванная утренним походом молодой за грибами, который тем временем был воспринят как поездка на свидание к «Ваньке-лысому», привела к ранению женщины, которая лишь чудом выжила. Возможно создаётся ощущение, что это семейные проблемы, которые остались лишь в прошлом, ещё в начале XX века. Женщина говорит: «Старые люди любят хвалить бывалошные времена, – говорила Миленьевна негромким, рассудительным голосом, – а я не хвалю. Нынче народ грамотной, за себя постоит, а мы смолоду не знали воли. Меня выдали взамуж – теперь без смеха и сказать нельзя – из-за шубы да и из-за шали...» [Там же, с. 22]. Но описывая Евгению, невестку Миленьевны, Ф. Абрамов всё ещё не может назвать жизнь женщины Русского Севера просто и непринужденной, он пишет: «...у нее была тяжелая жизнь, как, впрочем, у всех деревенских женщин, юность которых пала на военную страду: только с багром в руках она тридцать раз прошла свою реку от вершины до устья» [Там же, с. 17].

В работе Л. Г. Дорофеева «Генезис типа смиренного человека в повести Ф. Абрамова “Деревянные кони”»: новозаветная традиция» раскрывает не только психологизм героини Миленьевны, но типологизацию смиренного человека в литературе в целом. По мнению автора Ф. Абрамова таким образом акцентируется на идее крестьянского труда как подвига, который ведёт к гармонизации личности. Л. Г. Дорофеева приводит в доказательство описание ощущений Миленьевны после работы, утреннего сбора грибов: «В портрете Миленьевны явно просматриваются иконописные черты: «худое тонкое лицо... до бледности промытое... обильными туманами», «благодное удовлетворение и тихое счастье в ее голубых, слегка прикрытых глазах», и связывается это состояние благодности и внутреннего мира с проделанной

работой». Такую же мысль выражает А. А. Ревякина в статье «Характеры и судьбы: проза Ф. Абрамова: научная статья, посвящённая 90-летию со дня рождения писателя»: «Ценность труда абсолютизируется, но не сводится к производству материального продукта, к утилитарной пользе; труд получает бытийный смысл. Отношение к труду любимых героев Ф. Абрамова определяется неустанной потребностью в работе, восприятием ее не как тяжкой необходимости, постылого бремени, а, напротив, как радостной возможности творческой самореализации и служения людям» [70, с. 153]. Также автор упоминает в своей работе о том, что писатель показал тяжелейшую судьбу русской женщины-крестьянки, «сохранившей человеческое достоинство в трудном поединке с судьбой, но лишенной жестокой волей обстоятельств многих заслуженных радостей жизни. Мотив вины не только общества, но и мужчины перед женщиной по-разному реализуется в авторской концепции» [Там же, с. 155].

В «Сказе о Беломорье» кретчанка рассказывает о случае, когда она встретила своего мужа с промысла не по традициям, то есть без топки печи, стряпни и без встречи своего мужа, хозяина, на берегу. Далее мы видим реакцию на такое поведение: «Вошел он в избу темный такой. Я к нему, как промышляли? А он как торнул меня, я о печь и убилась, а поднялась сразу. Девки, старшей пять годков было, меньшей три, скорее в сени» [4, с. 50]. Этот случай не входит в число исключений, что мы видим из следующих слов кретчанки: «Не я одна в синяках хаживала. Да. В нашей-то семьи редко бывало. Жонки синяками не хвастали, ребятам своим не казали. Разве кака жонка из плохой семьи не из нашей деревни взята, несамостоятельная какая, на людях о своих делах с хозяином повеньгают. Ее другие жонки и осудят, а то и на глум возьмут. Женино дело – свое дело, в него другие не суйся» [Там же, с. 51].

В 1948 году, когда К. Гемп направлялась из Онеги в Пурнему. На катере с ней было еще три пассажира и две пассажирки, одна из них ей

рассказывала: «Жизнь у каждой жонки нелегка. Обрядись, скотину обиходи, за ребятами усмотри, огород тоже, сенокос, ягодгрибов напаси, пряди да тки. Хозяина уважь, чтобы сыт был, прибран, обихожен, лаской не обижен. А когда ребята балуются, хозяин на тебя крикнет. Обидно. После подумаешь: ребятки малые, он один добытчик, а в семье, бывало, и сам-семь, на море трудно, опасно. Не со зла он, от тяготы жизненной. Вот и смолчишь, а постарше и он перестал задориться» [Там же, с. 52].

Насилие в семье является проблемой не только в быте семейного устройства прошлых веков, но и, к сожалению, остаётся актуальной в современной России. Во время пандемии данная модель поведения показала свою жизнеспособность, когда мужчина может представлять собой опасность для психического или физического здоровья семьи, а в ином случае смерть. Нейросеть «Алгоритм света» определяет по текстам приговоров факты домашнего насилия и устанавливает родственную связь жертвы и убийцы. Случаи домашнего насилия нейросеть определяет с вероятностью 84%, родственную связь – в 90%. «Более 70% всех убийств женщин в России в 2020–2021 годах, согласно данным Консорциума женских неправительственных объединений, было совершено их партнерами и родственниками» [71]. В отдалённых регионах России, население которых культурно оторвано от городов-миллиоников в большей мере сохраняется за мужчиной право проявлять деструктивное поведение в семье. Так происходит в следствие того, что в современных городах проблема насилия признаётся быстрее, чем, например, в отдалённой северной деревне, в следствие чего старый уклад наиболее проявлен именно в негусто населённых местах, но тем временем в мегаполисах мы не можем ничего узнать о привычках или принципах членов семьи, но стоит отметить, что по статье Е. Перфецкого «Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения Архангельской губернии» мы видим, что архангельские крестьяне в начале XX века используют близкий к древнеиндийской,

форме свадебного обряда «приведение». Она выражается в том, что жених не идет в дом невесты и не приводит её к себе, подчас насильно, а она сама, свободная вступает на порог жениха или её свободную приводят к нему родственники, а также не жених платит за невесту, а за неё приносят приданое. Как мы уже говорили, в Индии именно в высших кастах, которые наиболее чисто сохранили древние индоиранские обряды, была распространена эта форма брака. В заключении данной темы хотелось бы отметить, что сама К. Гемп отмечает: «Поморская семья – своеобразный мир, отличала его взаимная уважительность всех ее членов» [4, с. 49].

Жизнь обычной поморской семьи и деревни кроет в себе множество типологических особенностей, анализируя которые можно понять и причины современных явлений русского общества. Художественный мир К. Гемп и Ф. Абрамова бывает как трагичен, так и комичен, но несомненно их отличает особое настроение чистоты и исконности, которую можно легко ощутить в фольклорных и документальных материалах. Погружаться в этот мир или нет – выбор за вами, но вы несомненно найдёте в нём нечто тёплое, возможно родное и близкое.

Таким образом, сравнительный анализ произведений К. Гемп и Ф. Абрамова позволил заключить, что оба автора объективно оценивали мир поморов, опираясь на историю края, его традиции и быт. Оба писали о наиболее значимых проблемах, в том числе о судьбе крестьянской семьи, о женщине и законах рода, но главное внимание уделили миру тайн, легенд, уважительному отношению к морю, которое для поморов было живым существом, а на земле оба автора вслед за поморами воспели хлеб. Смешное и серьезное в равной степени сочетается в повествовании, а образы поморов, крестьян, надолго запоминаются. Фольклорный материал книги К. Гемп по-прежнему

актуален и требует дальнейшего изучения в рамках литературного краеведения. Книга «Сказ о Беломорье» не случайно привлекала внимание писателей. в том числе Ф. Абрамова. с которым К. Гемп дружила, но вдохновляла на создание правдивых картин Русского Севера в художественной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве результатов исследования отметим достижение цели и выполнение всех поставленных задач.

В первой главе были рассмотрены теоретические вопросы, прежде всего само понятие Север и Русский Север в исследованиях ученых разных направлений. Опираясь на исследования А. Б. Пермиловской, Ю. П. Шабаева, А. С. Власова и Г. Н. Элькина мы сформулировали свое определение Севера, под которым понимаем устойчивый топонимический маркер, не всегда определенный конкретными географическими границами. В культуре и литературе – это прежде всего художественный «топос», «значимое для художественного текста <...> “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства».

Было обнаружено, что ряд исследователей считают понятие территориально не ограничивающимся бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, а расширяют его до северной части бывшей Санкт-Петербургской губернии, бывшей Новгородской, Тверской и северной частью Костромской губернии, а также Республик Коми и Карелии. В ходе работы обнаружена важность водоразделов в определении пространства Русского Севера. Выявлено, что термин имеет в большей мере историко-культурное значение, чем административное, его географические границы могут варьироваться. Рассмотрен процесс освоения края новгородцами, перечислены его экономические факторы, способствовавшие этому, а также проанализированы причины торговых отношений с другими странами. Говоря о поморах, были изучены история развития данного субэтноса и проанализированы особенности его быта, отличающие их от жителей центральной России. Далее рассмотрен сельскохозяйственный вопрос хлебозаменителей в выпечке хлеба.

Важный материал по истории Севера как историко-литературной проблемы и литературно-краеведческого вопроса Русского Севера имеет материал Литературной экспедиции (1855-1861 гг.), проведённой сыном Николая I, князем Константином Николаевичем. Далее обозначена проблема уничтожения фольклорных материалов Русского Севера после революции 1917 года, упомянуты проводимые краеведческими обществами работы по спасению документов по устному народному творчеству. Перечислены писатели и поэты, познакомившиеся с этим краем в ходе царской или советской ссылки: Ф.Н. Глинка, Б.В. Шергин, Б.Н. Ширяев.

Во второй главе мы впервые рассмотрели образ Севера в произведениях К. Гемп и Ф. Абрамова. Важными оказались личные связи между авторами, подтвержденные в публицистических и биографических материалах. Анализ позволяет заключить, что оба автора интересовались поморским менталитетом как важной региональной составляющей. Проведено сравнение специфики деятельности авторов (Ф. Абрамов – художественная, К. Гемп – научная) и обозначены схожие и различные образы малой родины в их работах, с учётом места рождения, при этом отмечена общая направленность на жизнь поморской деревни.

Значительное место в образе природы Севера поморов занимает море -сакральное, живое пространство, которое вмещает в себя как начало, так и конец. Оно способно испытать человека, кормить, «забирать». Архетипические мотивы смерти как возвращения в материнское лоно моря переплетаются с религиозным осознанием бессмертия человека. Это характеризует северного человека как зависимого от водной стихии, но уверенного в своём бессмертии. Море олицетворяется, оно «дышит», и его дыхание становится для местных жителей таким же необходимым, как и своё собственное. Море также служит Судьёй.

Отдельное место в работе отведено книге Ксении Гемп «Сказ о Беломорье», в которой зафиксированы сказания, легенды о северных ремеслах, северном фольклоре, о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытавших на себе гнетущей унизости крепостного права и сохранивших во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с другом достоинство Человека.

Ф. Абрамов и К. Гемп, являясь городскими жителями, выстраивают повествование от лица героев, которые лишь посетили и временно окунулись в нелюдимые края Пинежья. У Ф. Абрамова создаётся такая система образов, где городские люди являются динамическими персонажами, а жители деревни статистическими, что создаёт между ними оппозицию, а у Ксении Гемп ведётся повествование непосредственно от её лица.

Во второй главе работы более подробно раскрываются образы моря, природы и простых людей, обитателей Русского Севера в трудах Гемп и Абрамова. От доминирующего образа моря, которое, являясь кормильцем, никогда не обвиняется в том, что «забирает» людей, как и Бог, анализ смещается к образам жизни русской деревни, женщины, хлеба и избы. В работе С.В. Жарниковой «Истоки фольклора Русского Севера», этнограф пишет: «Печь и хлеб – два символа человеческой общины, семьи». При этом не менее важен для культуры поморов сам дом и быт, автор приводит поговорку: «В каждой избушке свои погремушки, в каждой избе свой погром, в каждой деревне свой обиход, а везде все наше – поморско». Другими словами, каждый дом индивидуален, выражает творческое настроение хозяина.

У Ф. Абрамова, как у К. Гемп, также и встречается акцентированность именно на женской фигуре в общей художественной картине Русского Севера. Наиболее полно он раскрыт в «Сказе о Беломорье» - «Жизнь поморской семьи протекала в ее замкнутом кругу. Помор не обсуждал свои семейные дела на людях, поморки тоже считали: семейные дела – свои дела.». Если попытаться провести

параллели, то писатели показали тяжелейшую судьбу русской женщины-крестьянки, «сохранившей человеческое достоинство в трудном поединке с судьбой, но лишенной жестокой волей обстоятельств многих заслуженных радостей жизни. Мотив вины не только общества, но и мужчины перед женщиной по-разному реализуется в их концепциях».

Таким образом, работа позволила расширить не только понимание особенностей текстов К. Гемп и Ф. Абрамова, но и Севера в целом, констатировать, что ряд исследователей считают понятие территориально не ограничивающимся бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, а расширяют его.

В ходе решения задач исследования были определены взаимоотношения между Гемп и Абрамовым, проведено сравнение специфики деятельности (Абрамов – художественная, Гемп – научная). Выявлено, что в произведении Ксении Гемп «Сказ о Беломорье» преобладает архетип моря, тем временем в работах Ф. Абрамова мы обнаружили отсутствие морской тематики и только одно её упоминание в сказке «Жила-была Сёмужка», где тем не менее прослеживалась приверженность автора к идеологическому уходу от морской темы. В рассказе «Сосновые дети» и «Деревянные кони» прослеживаются озёрная, лесная и речная темы, что обусловлено малой родиной писателей. Проведена художественная параллель сказки А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» и Ф. Абрамова «Жила-была Сёмужка», в них найден схожий образ волшебного существа в рыбном обличье. К. Гемп детально фиксирует фольклорные элементы и выстраивает логику быта помора. В произведениях авторов выделены особенности сакрального образа хлеба и использование хлебозаменителей в цикле рассказов Ф. Абрамова «Трава-Мурава». Одним из ключевых выводов работы заключается в том, что представленные рассказ «Сосновые дети» и повесть «Деревянные кони» Ф. Абрамова базируются на образе трудящейся и смиренной женщины, что мы встречаем и у К. Гемп в «Сказе о Беломорье». Сделан вывод, что в поморском менталитете в

целом не принято делиться проблемами семьи, а также обнаружены несколько примеров, когда жена могла подвергаться рукоприкладству.

Художественный мир Ф. Абрамова и мир легенд и сказаний в книге К. Гемп бывает как трагичен, так и комичен, но, несомненно, их отличает особое настроение чистоты и искренности, которую можно легко ощутить в фольклорных и документальных материалах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тексты

1. Абрамов, Ф. А. Сочинения. Повести и рассказы. В 2 т. Т. 1. Деревянные кони / Ф. А. Абрамов – М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010. – С. 13-41.
2. Абрамов, Ф. А. Сосновые дети / Ф. А. Абрамов / Деревянные кони. Повести. Рассказы – Москва : Эксмо, 2011. – 258-280 с.–ISBN 978-5-699-52445-7.
3. Абрамов, Ф. А. Сочинения. Повести и рассказы. В 2 т. Т. 1. Трава-мурава / Ф. А. Абрамов. – М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010. – С. 373-380.
4. Гемп, К. П. Сказ о Беломорье / К. П. Гемп. – Архангельск : Северо-западное книжное издательство, 1983. – 240 с.

Основные источники

5. Абрамов, Ф. А. «2 часа у Гемпов», датированных 27-28 марта 1976 // Двина, 2013. –№2. – С. 14-16.
6. Абрамов, Ф.А. Жила-была Сёмужка / Ф.А. Абрамов – Ленинград : Детская литература– 1980. – 224 с.
7. Абрамов, Ф. А. Сочинения. Публицистика В 2 т. Т. 2. О Пушкине / Ф.А. Абрамов.–М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010. – С. 217-224.
8. Абрамов Ф.А. Сочинения. Повести и рассказы. В 2 т. Т. 1. Я всегда взываю к активности... / Ф. А. Абрамов. – М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010. –С. 43-58.
9. Абрамов, Ф. А. Сочинения. Публицистика В 2 т. Т. 2. О хлебе насущном и духовном / Ф.А. Абрамов. – М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010. – С. 5-10.
10. Абрамов, Ф.А. Сочинения. Публицистика. В 2 т. Т. 2. Самый надёжный судья– совесть / Ф.А Абрамов.–М.: РУССКИЙ ОСТРОВ, 2010.– С. 58-96.

11. Абрамов, Ф. А. Слово в ядерный век / Ф. А. Абрамов. – Ленинградская область: Советский писатель, 1996. – 447 с.
12. Абрамов, Ф. А. К. П. Гемп и её «Сказ о Беломорье» / Ф. А. Абрамов // Советская Россия. – 1983. – 12 июня.
13. Аввакумова, М. Н. Бабушкина дорога / М.Н. Аввакумова // Двина – 2013. – № 2 (50) – С. 42-52
14. Антипина, А.С. Архангельск в «Северном дневнике» Ю. П. Казакова: идеология и мифопоэтика / А.С. Антипина // Вестник Томского государственного педагогического университета. –2015. –№ 10 (163)– С. 190-194.
15. Антипина, А.С. Архангелогородской субтекст Северного текста / /сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография. – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – С. 276-282.
16. Ануфриев, В.В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность / В.В. Ануфриев – Москва : Солти, 2008. – 159 с.
17. Бернштам, Т. А. Роль Верхневоложской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) / Т. А. Бернштам // Фольклор и этнография Русского Севера / ред. Путилов Б.Н., Чистов К.В. – Ленинград : Издательство «Наука», 1973. – С. 5-29.
18. Бернштам, Т. А. Поморы / Т.А. Бернштам – Ленинград : Издательство «Наука», 1978. – 176с.
19. Бойко, С.С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник.– 2015. – №3(34).–С. 65-8.
20. Большакова, А. В. Федор Абрамов и феномен «задержанной» литературы / А. В. Большакова // Характеры и судьбы. Проза Федора Абрамова : [сборник научных статей] : 90-летию писателя посвящается– Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. – 154 с. – С. 3-46.

21. Власов, А.С. Природа, экономика и рубежи Русского Севера / А. С. Власов, Г. Н. Элькин // Древнерусские города Севера – Санкт-Петербург : Паритет, 2012. – 494 с.
22. Габдуллина, В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции / В. И. Габдуллина // Культура и текст.– 2016.– №3 (26).– С. 93-106.
23. Галимова, Е. Ш. Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета.Серия: Гуманитарные и социальные науки–2012. – № 3. – С. 80-87.
24. Галочкина, С. Ю. Ф. Абрамов в воспоминаниях земляков / ред.-сост. Е. Ш. Галимова// Фёдор Абрамов и Север– Архангельск : Правда Севера, 1992 г. –С. 119-127.
25. Гемп, К.П., «Возжечь человеческое...» / К.П. Гемп // Федор Абрамов и Север / Ред.-сост. Е. Ш. Галимова// Фёдор Абрамов и Север– Архангельск : Правда Севера,1992 г. – С. 134-137
26. Глазырина, Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси / Г. В. Глазырина. - Москва : Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. – 235 с. - ISBN 5-86218-257-8.
27. Груша, С. А.Русский национальный характер в малой прозе Ф. А. Абрамова : автореферат дис. кандидата филологических наук : 10.01.01 / С. А. Груша. – Тверь:Твер. гос. ун-т, 2011. – 18 с.
28. Гудков А. Г. Рацион крестьян Русского Севера в конце XVIII – первой половине XIX века / А. Г. Гудков // ШАГИ / STEPS.–2022. – Т. 1 – №3 – С. 259-274.
29. Гура В. В. Связь времен /И. В. Евдокимов, В. В. Гура – Архангельск : Колокола, 1983. – 46 с.
30. Дмитриева С. И. Русские поморы / С. Дмитриева // Живописная Россия.– 2006. – № 1. – С. 10-16.

31. Размолодин, М.Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио.–2011. –№ 2 (53).– С. 151-155
32. Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий //История жанров в русской литературе X-XVII вв. /Ин-т рус. лит-ры. – Ленинград : Наука, 1972. – 464 с.
33. Дмитриева, С. И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья / С. И. Дмитриева // Мировоззрение и культура севернорусского населения – Москва : Наука, 2006.– 387 с.
34. Ермишина, Н.Д. Первые годы советской власти и судьба памятников культуры в России / Н.Д.Ермишина // Евразийский Союз Ученых. – 2018.– С. 20-22
35. Жарникова, С. В. Истоки фольклора Русского Севера / С. В. Жарникова / ред. А. Г. Виноградов. – Екатеринбург : Интеллектуальная издательская среда Ridero, 2018. – 232 с.– ISBN 978-5-4490-6255-0.
36. Журов, А.В. Василий Белов: опыт разлома / А.В. Журов // Новый мир. – 2013. - № 9. – С. 179-190.
37. Захарова, Н. Н. Архангельский Север в древнескандинавской литературе / Н. Н. Захарова // САФУ имени М. В. Ломоносова – 2012 г. – № 1. – С. 88-95.
38. Золотусский И. П. Ф. Абрамов: Личность, книги, судьба / И. П. Золотусский. – М.: Советская Россия, 1968. – 160 с.
39. Зорина Е.А. Встречи радости, веры и света : [о дружбе К. П. Гемп с Ф. А. Абрамовым] / Е. А. Зорина // Пинежская правда – 1988. – 14 мая.
40. Ильин, В.И. Старый Русский Север как пространство жизненных шансов: история и современность / В.И. Ильин // Журнал Фронтальных Исследований – 2019. – №4(2).– С. 310-330.

41. Калуцков, В. Н. Русский Север как культурно-географический регион / В. Н. Калуцков // Поморские чтения по семиотике культуры. Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика – 2019. – Вып. 4 – С. 27-37.
42. Клавдий, К. А. Частушки северных деревень / К. А. Клавдий. – Москва : Сказочная дорога, 2015. – 222 с.
43. Красовская, Т.М. Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве / Т.М Красовская. – МГУ :Изд-во Московского университета –2013. – №3(11) – С. 42-46.
44. Криничная, Н.А. Предания русского Севера / Н.А. Криничная. – Санкт-Петербург : Наука – 1991. – 328 с.
45. Крутикова-Абрамова, Л.В. Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения / Л.В. Крутикова-Абрамова. – СПб. : АТОН, 2003 г.– 415 с.
46. Куратов, А.А. История и историки Архангельского Севера / А. А. Куратов.– Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1999г. – 270 с. – ISBN 5-88086-190-2
47. Ларин, О. И. В ритме Пинеги / О. И. Ларин.– Москва : Мысль, 1975. – 143 с.
48. Лихачев, Д. С. Русский Север // Гемп К. Сказ о Беломорье. 2-е изд. –Архангельск : Поморский университет, 2004. – 637 с.
49. Лыткина, Т.С., Фаузер, В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии.– 2016. – Т. XIX. № 1 (84) –С. 90-109.
50. Макаров, Н. А.Русский Север: таинственное средневековье / Н. А. Макаров – М. : Институт археологии РАН, 1993. –192с.

51. Мартынов, Г. Г. Летопись жизни и творчества Федора Абрамова, 1920-1983 / Г. Г. Мартынов. – Санкт-Петербург: Издательство «Мирь», 2015. – 635 с.– ISBN 978-5-98846-116-6.

52. Мокрушина, О. А. Топос постсоветской школы в русской литературе рубежа XX – XXI веков : автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук, 10.01.01 – русская литература. – Пермь : ПГНИУ, 2014. – 23 с.

53. Пашков, А.М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере В XIX – начале XX В.: опыт переосмысления / А. М. Пашков // Вестник РУДН, сер. История России. –2011. – № 2. – С. 112-126.

54. Пермиловская, А. Б. Народная архитектура Русского Севера в пространстве современной культуры А. Б. Пермиловская // Человек. Культура. Образование – 2013. –№2 (8).– С. 17-27.–URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-arhitektura-russkogo-severa-v-prostranstve-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 26.05.2023).

55. Пермиловская, А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти / А. Б. Пермиловская // Историческая и социально-образовательная мысль– 2016 г. – № 2 (32). – С. 155-163– DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345.

56. Пермиловская, А.Б Русский Север в пространстве культуры / А. Б. Пермиловская– Тамбов: Грамота, 2011 г. – № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. –С. 121-124.

57. Пермиловская, А. Б. Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера / А. Б. Пермиловская// Регионология.– 2011.– № 2 (75). – С. 313-324.

58. Потанин, Г.Н. Никольский уезд и его жители /Г.Н. Потанин // Древняя и новая Россия.– 1876. – № 10 (3). – С. 136-156.

59. Пришвин, М.М. В стране непуганных птиц / М.М. Пришвин. – М. : Вече, 2019. – 352 с.

60. Романова, Т.В. Топоним Соловки как социокультурный знак в национальной картине мира / Т.В. Романова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 584-588.

61. Русский Север: ареалы и культурные традиции: Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и др / ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 270 с. – ISBN 5-02-027353-8.

62. Рыжова, Е. А., Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера / Е. А. Рыжикова // Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Карельский научный центр РАН. – Петрозаводск : 2011 г. – 565 с.

63. Салтыков, Е.Е. Фёдор Абрамов: «Как там К.П.?» // Правда Севера – 1989. – 17 дек. – С. 17-21.

64. Смирнова, М. А. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1921-1937 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / М. А. Смирнова. – Архангельск : Сев. (Арктический) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011 г. – 253 с.

65. Соловьева, А.Н. «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве / А. Н. Соловьева, Ю.П. Шабаев, П. С. Соловьева // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей. – Архангельск : Соломбальская типография, 2011 г. – Вып. 4. – С. 215-226.

66. Тимофеев, А.Г. Я видел в нём человека, который не разделяет те взгляды, которые он демонстрирует. Интервью / подг. А.Г. Тимофеев, Л. М. Аринштейн // Летопись жизни и творчества Федора Абрамова, 1920-1983 / Г. Г. Мартынов. – Санкт-Петербург: Издательство «Мирь», 2015. – С. 623-632 – ISBN 978-5-98846-116-6

67. Тимофеева, А. Е. Пространство моря на Русском Севере / А. Е. Тимофеева // Русский Север-2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: Рубцовский сборник : Сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием, Вологда, 01 января – 31 2021 года. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. – С. 512-516.

68. Трушин, О.Д. Фёдор Абрамов / О.Д. Трушин. – Москва: Икар, 2021 г. – 448 с.

69. Турубанов, А. Н. История Коми с древнейших времен до современности / под общ. ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар : Издательство Анбур, 2011. – 687 с.– ISBN 978-5-91669-052-1

70. Ревякина, А.А. Характеры и судьбы: проза Федора Абрамова : [сборник научных статей] : 90-летию писателя посвящается / А. А. Ревякина // С.-Петербур. гос. ун-т, Фак. филологии и искусств; [отв. ред. - д.ф.н. О.В. Богданова, д.ф.н. А.О. Большев]. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 155 с.

71. Хорькова, М.В. Своеобразие сказок Бориса Шергина : научное издание / М. В. Хорькова // Филология и человек.– 2010. – № 2 –С. 157-162.

72. Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (очерк из быта поморов) / Г. Цейтлин // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. –1912.– № 4. – С. 8-16.

73. Шабаев Ю.П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике / Ю. П. Шабаев // Человек. Культура. Образование, 2016. – №2 (20).– 170-193 с.

74. Шабаев, Ю. П. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы / Ю. П. Шабаев, И.Л.Жеребцов, П.С. Журавлев // Мир России. Социология. Этнология, 2012.– №4. – С.134-154.

75. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю.П. Шабаев, А.П. Садохин, А.Ю. Кузнецова, Н. В. Шилов// Мониторинг общественного мнения. Серия: Экономические и социальные перемены, 2017. – № 6. – С.125-148.–DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.07.

76. Шабаев, Ю. П. Российская идентичность Русского Севера / А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова // Вестник СПбГУ, 2016. – №1 (12). – С. 127-140.

77. Шергин, Б.В. Двинская земля / Б. В. Шергин – Архангельск : Министерство культуры Архангельской области, 2020. – 71 с.

78. Шергин, Б.В. Древние памяти / Поморские были и сказания / Б. В. Шергин – Москва : Художественная литература, 1989.– 464 с.

79. Ширяев, Б. Н. Неугасимая лампада / Б. Н. Ширяев. – Москва: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2018. – 431 с.

80. Щербак, А.П. Водоросли Белого моря и перспективы их использования / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2015. – №4. – С. 62-69.

81. Энгельгардт, А. П. Русский Север. Путевые записки / А. П. Энгельгардт. – Москва : Объединенное Гуманитарное Издательство, 2009. – 256 с. – ISBN: 978-5-94282-558-4.

Справочные электронные ресурсы

82. Головкин, Н. На Руси никогда не переводились праведники.../ Н. Головкин // Прихожанин. Православный интернет-журнал.– URL:<https://prihozhanin.msdm.ru/home/podumat/ob-otechestve/2656-na-rusi-nikogda-ne-perevodilis-pravedniki.html>(дата обращения 14.05.2023).

83. ЦВИА, ВУА, ед. хр. № 18652. Военно-статистическое описание Вологодской губернии Т.2 ч.3 – 447 с.– URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/voen/text.pdf>(дата обращения 12.05.2023).

84. BigCountry //Портал «Русский Север» – URL: <http://bigcountry.ru/page1.php?idm=231>(дата обращения 16.04.2023).

85. Православный церковный календарь //Преподобный Варлаам Керетский, Архангельский, иеромонах– URL: <https://azbyka.ru/days/sv-varlaam-keretskij>(дата обращения 03.02.2023).

86. Статистика домашнего насилия в России и в мире // Портал «Про насилие». – URL:<https://nasiliu.net/pronasilie/statistika-domashnego-nasiliya-v-rossii-i-v-mire/>(дата обращения 03.02.2023).

87. Прокофьева, В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / В. Ю. Прокофьева // Вестник ОГУ. 2005 № 11.URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-prostranstvo-v-hudozhestvennom-prelomlenii-lokusy-i-toposy>(дата обращения 23.04.2023).

88. Dvina29 / И дольше века длится день...–URL: <https://dvina29.ru/sozvezdie-po-imeni-gemp/>(дата обращения 03.02.2023)

89. Русский Север / Большая страна. – URL: <http://bigcountry.ru/page1.php?idm=231> (дата обращения 27.05.2023)

90. Правда Севера // архив от 14.03.2019 // Культура и искусство 2(32), 2016. URL:<https://pravdasevera.ru/2019/03/14/60b0a047b43ef52e7c660513.html>(дата обращения 05.04.2023).

91. Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 146–147. Указ. по: Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 359.URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/99-02-006-milov-l-v-velikorusskiy-pahar-i-osobennosti-rossiyskogo-istoricheskogo-protsesssa-m-rosspen-1998-573-s>(дата обращения 07.05.2023).

92. Православный церковный календарь //azbyka.ru.URL: <https://azbyka.ru/days/sv-artemij-verkolskij> (дата обращения 06.04.2023).

93.Фёдор Абрамов: «Я пишу не о деревне, я пишу о России» // <https://gazeta-licey.ru>URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/87373->

fyodor-abramov-ya-pishu-ne-o-derevne-ya-pishu-o-rossii(дата обращения
13.05.2023).